

М. В. Стрелец

**ИЗУЧЕНИЕ ТРАГЕДИИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ (1941–1944):
ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ**

Предметом нашего исследования является монография [1], которая вышла из печати 15 лет назад.

На первый взгляд книга «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.» не является строго академическим изданием и не претендует на всеобъемлющее освещение проблемы. Пропать трагедии евреев на оккупированной территории республики в годы Великой Отечественной войны настолько бездонна, что ее невозможно осветить даже в многотомном

энциклопедическом издании. Поэтому можно согласиться с Даниэлем Романовским, который в предисловии к книге «Катастрофа евреев в Белоруссии...» пишет, что есть два способа написания истории Холокоста. Один – скрупулезно восстанавливать события день за днем и район за районом; другой – попытаться проникнуть в суть происшедшего, выявить его внутреннюю логику и взаимозависимость, далее анализировать, сопоставлять и т.д. Автор Л. Смиловицкий пошел вторым путем. Его монография поделена на главы не географически или хронологически, а по аспектам истории Холокоста. Насколько это удалось – другой вопрос, но автор, как мы постараемся далее это показать, осмелился «ломать каноны» общепризнанного отношения к истории белорусских евреев в годы нацистской оккупации.

Как известно, научный уровень исследования определяется не только новизной и достоверностью источников, положенных в его основу, но и попыткой нового прочтения уже известных документов и материалов. Если при этом предлагается новая концепция изучения поднятой проблемы, то уровень исследования поднимается на заметную высоту.

Автор книги «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.», о которой пойдет речь сегодня, наш бывший соотечественник, уроженец Беларуси. Леонид Смиловицкий живет в Израиле и с 1995 г. является старшим научным сотрудником Центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Монография доктора Смиловицкого, посвященная трагедии белорусских евреев в годы Второй мировой войны, – это первый опыт системной реконструкции Холокоста в белорусской историографии. Метод научного поиска, обобщения и трактовки событий, которые Л. Смиловицкий использует в своем исследовании, включает работу в архивах в сочетании с устной историей. Многочисленные интервью, которые наш израильский коллега проводит в течение последних двух десятилетий с людьми, пережившими Катастрофу, партизанами и подпольщиками, праведниками народов мира, органично вписываются им в ткань повествования.

Л. Смиловицкий, родившийся 10 лет спустя после окончания Великой Отечественной войны, знает о трагедии, постигшей Беларусь, не из личного опыта. Эти знания он почерпнул из документов и материалов фондов Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Брестской, Гродненской, Могилевской, Витебской и Минской областей, Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Российского государственного архива экономики, Центрального архива народов Израиля, «Яд Вашем», архива устной истории Института современного еврейства Иерусалимского университета, Центрального сионистского архива в Иерусалиме и др.

Каждый человек, который прикоснется к теме Катастрофы евреев в годы Второй мировой войны, подсознательно ищет ответ на вопрос – насколько трагедия была неизбежна? Можно ли было ее предотвратить и если да, то какие шаги могли быть предприняты? А если нет, то почему?

Насколько советские евреи были осведомлены о грозящей им опасности и что сделали в этом отношении Коммунистическая партия и советское государство? А если нет, то почему?

Как проходили бегство и эвакуация из прифронтовой полосы и почему в советский тыл бежали именно еврейские женщины, старики и дети (мужчины были призваны в Красную армию)? Вместе с евреями от немцев бежали семьи партийных и советских работников, НКВД. Белорусы, если это не были коммунисты, советские активисты, высокопоставленные управленцы и чиновники, сотрудники органов безопасности, массово не бежали.

Л. Смиловицкий, поднимая эти и другие проблемные вопросы, дал свою трактовку ходу событий. При этом он опирается не только на архивный материал, устные рассказы и результаты анкетирования очевидцев событий тех лет. Автор сравнивает свои размышления с работами по истории Катастрофы, опубликованными на Западе и в Израиле, на английском и иврите за последние 40 лет.

Ученый показывает, как владевшая стратегической инициативой германская военная машина лишила большую часть советских граждан возможности эвакуироваться. Трагическое положение беженцев было усугублено в результате неразумной политики, когда из-за боязни диверсантов и шпионов советские пограничники получили приказ не допускать пересечения населением «старой границы», направляясь из недавно присоединенных областей Западной Белоруссии (и то же самое из Западной Украины, Прибалтики и Бессарабии) в восточные области БССР.

Партийно-государственное руководство Беларуси, застигнутое врасплох, оказалось не способно своевременно организовать эвакуацию. Здесь не было злой воли. Отсутствие правдивой информации о положении на фронте, четкого плана действий и ясных распоряжений от руководящих инстанций, боязнь принятия самостоятельных решений, наконец, фактор времени – привели к тому, что не было объявлено об эвакуации. Вместо этого, руководство республики тайно покинуло столицу на третий день войны, а на седьмой день в столицу республики вступили немцы. Еврейское население оказалось обреченным. В Минске погибло почти 100 тыс. евреев (город захвачен 27 июня 1941 г.), в Витебске около 20 тыс. из 37 тыс. (11 июля 1941 г.), в Могилеве 10 тыс. евреев из 20 тыс. (27 июля 1941 г.), в Гомеле 4 тыс. из 40 тыс. (19 августа 1941 г.) [1, с. 13]. По данным автора, всего удалось эвакуироваться не более 10 % белорусских евреев.

В книге впервые представлена картина влияния Холокоста на изменения в демографическом балансе БССР. Выступая как историк, демограф и социолог в одном лице, Л. Смиловицкий пытается найти объяснение особенностям трагедии белорусских евреев. Катастрофа не только сократила еврейское население республики более чем на 80 %, но и существенно изменила его социальный и культурный облик. Больше всего пострадала та часть еврейства, которая говорила на идиш, жители местечек и простонародье – прослойка, в которой еще сохранялись остатки уклада еврейской общины [1, с. 30]. Конечно, это не окончание разговора на такую важную и болезненную

тему. Мы до сих пор не в силах дать окончательную оценку потерям еврейского населения Беларуси. Эта тема еще долго будет вызывать дискуссии. Любые оценки должны быть обоснованы, гипотезы – доказаны.

В параграфе 2 первой главы, названном «Поиски спасения на оккупированной территории», рецензент выявил очевидную научную новизну в процессе прослеживания следующих сюжетных линий: 1) жизнь в гетто, испытание голодом; 2) деморализация узников; 3) поиски спасения; 4) организованные побеги; 5) помощь в спасении евреев немецкими военнослужащими; 6) спасение евреев христианскими верующими.

Ученый впервые масштабно разрабатывает проблематику, связанную с судьбой еврейских детей на оккупированной территории БССР (параграф 3 первой главы). Известно, что в советской историографии присутствовал тематический комплекс «дети и война», но одновременно из него вычеркивался сегмент под названием «дети и Холокост». И это в то время, когда данный сегмент разрабатывался научным сообществом в США, Западной Европе, Израиле, однако и там он не стал предметом исследования.

Документы о Холокосте в Белоруссии сохранили мало сведений, посвященных детям. Почти не осталось описаний их поведения в гетто, мироощущения, взаимоотношений со взрослыми и сверстниками, евреями и неевреями. Автор обращает внимание на то, что «современная литература о Холокосте накопила достаточно личных историй, воспоминаний о детях, в том числе дошкольного и младшего школьного возраста. Важность их трудно переоценить. Это почти единственный источник, дающий представление о происшедшем с точки зрения детской психологии» [1, с. 67].

Когда писалась книга, не было установлено, сколько еврейских детей находилось на оккупированной территории БССР. Эта проблема не нашла своего решения до сих пор и вряд ли решится в обозримом будущем. Все упирается в то, что оккупационные власти не интересовались подобной статистикой. Правда, доктору Л. Смиловицкому удалось выявить некоторые цифровые выкладки по анализируемому вопросу. Возьмем, например, столицу субъекта федерации. «В Минском гетто к ноябрю 1942 г. насчитывалось 2 127 детей или 22,5 % всех жителей. В самом городе вне гетто проживало 102 132 жителей, включая 44 892 детей в возрасте до 18 лет (44 %)» [1, с. 69].

Понятно, что отсутствие у детей жизненного опыта и физических сил делало их наиболее беззащитными. Еврейские дети не могли объяснить себе природу антисемитизма, но чувствовали, что их участь предопределена. «Гибель грозила *полукровкам* – потомкам от смешанных браков евреев и неевреев, выдачи которых, особенно настойчиво с 1942 г., требовали нацисты. В то же время дети обладали несомненными преимуществами перед взрослыми, скорее реагировали на перемену ситуации. Вместе с тем, стремление к выживанию у детей было часто выше, чем у взрослых, а навыки поведения, которые они усваивали, более действенными. Не случайно партизаны часто использовали детей в качестве проводников, разведчиков, связных, проникавших в гетто и выводивших в лес взрослых» [1, с. 14].

Автор по-новаторски освещает также следующие сюжетные линии: *антисемитизм и дети, дети от смешанных браков, поведение нееврейских супругов, отличие статуса детей евреев от неевреев, количество жертв среди детей, влияние Катастрофы на судьбы детей*. При обращении Л. Смиловицкого к каждой из названных линий задается алгоритм для дальнейших исследовательских поисков, что обязательно должно учитываться коллегами по цеху.

4-й параграф первой главы называется так: «Конфискация еврейской собственности». Проблема изъятия еврейской собственности и ценностей на оккупированной территории изложена автором с исчерпывающим учетом трех аспектов: организационно-правового, концептуального, практического. Он убедительно показывает, что только при корреляции всех перечисленных аспектов возможно достижение справедливости по отношению к жертвам изъятия еврейской собственности и ценностей на оккупированной территории.

Что имелось на момент издания книги в отношении указанных аспектов?

Во-первых, решения проходившей в 1997 г. международной конференции в Лондоне, посвященной судьбе еврейских ценностей, похищенных нацистами. Ключевое из данных решений: появление списка из 15 государств Европы, имеющих право претендовать на возврат еврейских ценностей.

Во-вторых, весьма значимый факт издания в 1998 г. Государственным комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь и Национальным архивом сборника документов и материалов, посвященного судьбе личных сбережений и имущества, изъятых в 1941–1944 гг. «Сделана попытка воссоздать картину политики грабежа мирного населения в годы оккупации. Несмотря на нейтральное название, речь идет о ценностях, изъятых именно у евреев... Коллекция документов дает представление, как была организована система принудительного изъятия» [1, с. 94].

Обратимся к некоторым позициям сборника.

«Нет ничего в сборнике об отношении неевреев к контрибуциям нацистов, которые регулярно проводились под страхом расстрела заложников и других наказаний вплоть до ликвидации гетто. Партизаны, поддерживавшие связь с местными жителями, обвиняли евреев, бежавших в лес, чтобы участвовать в вооруженной борьбе: “Свое золото вы отдали немцам, а теперь пришли к нам, чтобы спасти свою шкуру?”. На почве такой предвзятости нередко возникали обвинения евреев в сотрудничестве с нацистами ....» [1].

Возникают противоречия при анализе списков Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, их соучастников и нанесенного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) лиц, у которых оккупационные власти изымали ценности. Они включают имя, фамилию и отчество 2 тыс. 571 свидетеля, подробный домашний адрес, перечисление конфискованных вещей с указанием стоимости в рублях и архивный источник ... Кстати, приводя

документы Чрезвычайной государственной комиссии СССР, Смиловицкий избегает искушения пространно цитировать текст, чем грешат многие начинающие исследователи. Он передает их своими словами без искажения содержания и таким образом рисует типичную картину преступления нацистов. Большинство документов в сборнике посвящено изъятию еврейского имущества, в то же время еврейские имена и фамилии в представленных списках ЧГК составляют абсолютное меньшинство [1, с. 98–99].

Конечно, главную роль в конфискации еврейской собственности играли германские оккупанты. Но в то же время нельзя сбрасывать со счетов и вину известной части местного населения. «После ликвидации гетто проходил организованный и неорганизованный грабеж. Белорусы и русские через родных, служивших у немцев, заранее узнавали о намечавшейся акции и ожидали, когда можно будет присвоить имущество соседей. Крестьяне из окрестных деревень дежурили в прилегающих к гетто кварталах. Сначала все, что представляло интерес, забирали немцы и полицейские, затем оцепление снималось, и в район гетто врывалась толпа. Забирали и увозили вещи и съестные припасы. Растаскивали мебель, выламывали и уносили из домов все, что могло пригодиться – двери, рамы, окна. Если дом был деревянный, его, зачастую, разбирали по бревнам. После этого кварталы, где еще недавно жили еврейские семьи, представляли собой одни скелеты зданий. Расхищение имущества сопровождалось издевательствами» [1, с. 97].

Непосредственных жертв грабежа осталось в живых относительно немного. Вполне логично, что вопрос о реституции будут поднимать их потомки. Справедливость процесса реституции общепризнана, но в Беларуси отрицают свою часть вины за то, что случилось с евреями, где соучастниками преступлений нацистов стали свыше 100 тыс. человек проживающего населения. В течение десятилетий власти возражали против деятельности Конференции по материальным претензиям евреев к Германии (Claims Conference) под тем предлогом, что компенсацию нужно выплачивать всем белорусам, пострадавшим на оккупированной территории. Опускалось из вида, что в соответствии с расовой доктриной нацистов поголовному уничтожению подлежали только евреи. Эта позиция была повторно высказана делегацией республики на Международной конференции в Вашингтоне (30 ноября – 3 декабря 1998 г.) о судьбе нацистского золота [1, с. 99].

Глава вторая целиком посвящена сопротивлению политике геноцида со стороны евреев, она открывается показом борьбы в гетто Минска. По всем статьям разоблачается миф о том, что такого сопротивления не было.

«Настоящий параграф ... выполнен на основе анализа 20 анкет евреев-коммунистов, которые волей известных обстоятельств в июле – августе 1941 г. оказались на оккупированной нацистами территории республики. Несмотря на свое отчаянное положение, они не растерялись и нашли силы противостоять врагу... В 1942–1943 гг. все они разными путями сумели выбраться из гетто в Минске и присоединиться к партизанскому движению. Сразу после освобождения Белоруссии в июле 1944 г. они обратились с просьбой о восстановлении их членства в партии» [1, с. 102–113].

Автор изучил оправдательные документы и материалы, которые были собраны бывшими узниками гетто (анкеты, биографии, свидетельства очевидцев совместного пребывания в партизанских отрядах и подполье, послужные списки и наградные листы). Этот шаг был предпринят евреями-коммунистами после утраты ими партийных документов в годы оккупации (спрятали, потеряли, уничтожили). Л. Смиловицкий, рисуя картину еврейского сопротивления в Минском гетто, дополнил их данными, почерпнутыми в фондах Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, Мемориального института Яд Вашем в Иерусалиме, использовал современную литературу и периодическую печать, воспоминания участников событий тех лет.

Ключевые выводы Л. Смиловицкого таковы.

В ы в о д п е р в ы й. Евреи, будучи в гетто и решившиеся на сопротивление, старались не поддаваться чувству обреченности. Они не были участниками *громких* диверсий с десятками жертв среди оккупантов. Их вклад в общую победу слагался из мелочей: сбор одежды, медикаментов, продуктов питания, распространение пропагандистской литературы, помощь военнопленным и вывод в лес тех, кто мог продолжать борьбу, сбор разведывательной информации и т.д. Однако за каждую такую *мелочь* они заплатили бы жизнью, как те их товарищи, которые были выслежены полицией, попали в засаду при выходе из гетто, пойманы с поличным на явочных квартирах, погибли в облавах и во время массовых акций [1, с. 113].

В ы в о д в т о р о й. Указанные подпольщики не были функционерами, оставленными по заданию партийных комитетов для создания групп сопротивления, проведения саботажа и диверсий. Их никто к этому не обязывал, они не проходили курс обучения в специальных школах и искусству подполья учились на собственных ошибках. Их не страховали товарищи во время смелых вылазок, они не ждали наград за успешно выполненное задание. Большинство смельчаков действовало, не надеясь уцелеть в неравной борьбе. Что руководило этими людьми, не позволило смириться при самых отчаянных обстоятельствах, рисковать жизнью ради намеченного задания? Борьба за выживание, месть, чувство патриотизма? Даже сами участники описанных событий до конца не могут ответить на эти вопросы. Вряд ли удастся и нам найти исчерпывающий ответ. Скорее всего потребность сопротивления явилась единственным внутренним мотивом, который позволял выстоять, не сойти с ума, не утратить интереса к жизни, от чего погибли очень многие в гетто [1, с. 113].

Ученый выступил первопроходцем по многим аспектам проблемного блока, связанного с участием евреев в партизанском движении на территории БССР.

Первый аспект – партизанское движение вначале было еврейским. Это продолжалось до мая 1942 г., пока на оккупированные территории не начали забрасывать из Москвы инструкторов с оружием и давать директивы, что делать. То есть не начались организованные мероприятия по созданию

партизанского движения, которое состояло из военнопленных или из партийных, советских работников, или из евреев, которые бежали из гетто. Белорусы, которые не попали под «каток» политики нацистского геноцида по национальному признаку, выжидали. Гражданское население, безоружное и деморализованное, незащищенное перед оккупантами, можно понять ими владело желанием осмотреться, собраться с силами, узнать, как будут развиваться дальше события на фронте, и определить линию своего поведения. Не случайно до лета 1942 г. в республике в различных полицейских формированиях, сформированных нацистами, белорусов было больше, чем среди партизан.

Второй аспект – еврейские семейные партизанские отряды. Исследователь впервые в историографии пишет о том, что это был исключительно белорусский эксклюзив, что ни в каких других странах Западной Европы семейных партизанских отрядов не было. Это является совершенно справедливым утверждением.

Л. Смиловицкий отмечает, что часть партизан были за то, чтобы избавиться от евреев в партизанских отрядах. Приводятся примеры, какие именно партизаны, какие руководители, какие деятели партизанского движения были за то, чтобы осуществить эти намерения. В целом на основании прочитанного в книге можно выделить две точки зрения. Они присутствовали одновременно как в Центральном штабе партизанского движения СССР в Москве, так и среди руководителей партизанского движения в Беларуси. Первые выступали за то, чтобы сохранить евреев и членов их семей для партизанской борьбы, а вторые ратовали за избавление от них, как от балласта. Исследователь объясняет позицию каждой из сторон. В результате победила точка зрения, что семейные партизанские отряды стоит сохранить. Евреи знали о том, что ведется такая дискуссия, итог которой может грозить им смертью, поскольку боевые отряды могут их не принять, а на партизанских зонах они не могли оставаться тоже, то есть они должны были быть в любом случае под защитой партизан. Они тогда предложили свои услуги, то есть сделали себя «полезными евреями» в лесу. И развернули там целую промышленность. Автор предлагает читателю собирательный портрет командиров и членов еврейских партизанских отрядов. Это – патриоты советского отечества, умудренные житейским опытом, изобретательные люди, находившие разумную меру в сочетании интернационализма и учета интересов своего народа. На наш взгляд, автор поступает правильно, делая акцент на освещении истории двух первых по хронологии создания и по значимости семейных партизанских отрядов. Первый возглавлял Тувий Бельский, второй – Шолом Зорин. Немало интересного сказано также об отрядах Шлёмы Зандвайса, Иехезкеля Атласа.

Третий аспект – евреи и поляки среди белорусских партизан. Представляется весьма удачным ракурс, который выбрал ученый с учетом полиэтнической структуры участников антигерманского сопротивления на территории Беларуси. Известно, что подобная структура прослеживалась в наибольшей степени в тех областях, которые вошли в состав БССР в 1939 г.

Здесь имелись польские, белорусские, смешанные белорусско-польские отряды. При этом в каждом из них в разных пропорциях были представлены евреи. Автор показывает дифференциацию среди поляков, задействованных в вооруженных формированиях (одновременно антинемецких и антифашистских), в отношении к евреям. Юдофобия отсутствовала у явного меньшинства.

Л. Смиловицкий особо упоминает об Армии Крайовой (*Armia Krajowa*) и группировке «Народные вооруженные силы» (*Narodowe Sily Zbrojne*). В отношении этой части поляков к евреям прослеживаются два момента. С одной стороны, там присутствовал стихийный польский антисемитизм, который подогревало католичество, была отрицательная память о евреях как экономических конкурентах и др., а с другой – был политический расчет. В 1939 г. евреи сочувствовали советской власти и приветствовали вступление Красной армии в Западную Беларусь. По мнению польской стороны, советское руководство не преминуло воспользоваться этой поддержкой еще раз при переходе польско-советской границы. Весной и летом 1943 г. в процессе формирования Армии Крайовой народные вооруженные силы и другие польские отряды позволяли себе антисемитские бесчинства в пущах Липичаны, Налибоки, лесах Руденска, Нарочи и Брянска.

Четвертый аспект – антисемитизм в партизанском движении на территории республики. Советская историография строилась на двух положениях. Тезис первый: в партизанском движении царил подлинный интернационализм. Тезис второй: евреи-партизаны рассматривались как белорусские патриоты. Судьба же самих евреев и их особенное положение в рядах советских партизан вообще не обсуждались в советской историографии. Начнем с того, что для евреев, оказавшихся в лесу, встреча с партизанами не всегда означала спасение. Порой их могли принять за немецких шпионов, подосланных отравить колодцы и ликвидировать руководителей партизан; часто в них видели обузу. Старики, женщины, дети, больные и истощенные люди не были приспособлены к жизни в лесу и сковывали действия партизан. Тем не менее многие партизаны были солидарны с евреями, видели в них товарищей по оружию. В годы войны руководство из Москвы сделало ставку на русский патриотизм, что усилило националистические элементы в советской идеологии. Этот момент нашел выражение в деятельности партизан на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. [1, с. 149, 157].

Конечно, надо иметь в виду и мифы, связанные с темой «Антисемитизм в партизанском движении». Один из них постоянно кочует из книги в книгу. Он сформулирован следующим образом: «С ведома И. Сталина в начале ноября 1942 г. Москва направила радиogramму подпольным партийным органам и командирам партизанских формирований, запрещающую принимать в отряды спасшихся евреев. Аргумент не мог быть более кощунственным: якобы среди них могли находиться завербованные немцами агенты. Эта очевидная антисемитская установка, исходившая от Сталина, повлекла за собой гибель тысячи евреев, чудом вырвавшихся из гетто. Исполнителем этой акции был Пономаренко» [1].

В книге проведена демифологизация. Л. Смиловицкий приводит радиogramму из Москвы, направленную в марте 1942 г. всем партизанским отрядам за подписью П. К. Пономаренко. Это известный документ, который хранится в Национальном архиве Республики Беларусь. Там написано буквально следующее: «...поступили сведения из Минска, что приходит много людей, которые выдают себя за желающих попасть в партизанский отряд. Всех людей подозрительных задерживать, допрашивать в случае возникновения подозрения и отправлять в Москву на дополнительное расследование».

Другими словами, руководители ЦШПД, базировавшиеся в Москве, требовали уделить максимальное внимание всем, кто приходит в лес со стороны Минска. Это делалось из справедливых опасений, чтобы гестапо и абвер не засылали своих лазутчиков (под видом беженцев, окруженцев, военнопленных, узников гетто и др.) к партизанам. Слово *еврей* в документе отсутствует. Однако мы хорошо знаем, кто приходил со стороны Минска в марте 1942 г. в лес, где можно было замерзнуть, умереть от голода. Это могли быть коммунисты, советские активисты или евреи. Военнопленные и окруженцы, как правило, уже к тому времени находили временное убежище в деревнях.

Все поняли, что речь идет о евреях, хотя в радиogramме об этом нет ни слова. И потом родилась молва о том, что Пономаренко приказал не принимать евреев в партизанские отряды. И многие партизанские командиры приняли эту директиву как указание к исполнению.

Пятый аспект – существенное уточнение по подсчету числа евреев – участников партизанского движения в Беларуси. В одних источниках называют «15 000 евреев – участников партизанского движения в Беларуси», в других «30 000 евреев – участников партизанского движения в Беларуси». Л. Смиловицкий считает, что эта цифра составляет не больше 12 000 чел., включая членов семейных лагерей. «Если же иметь в виду боеспособных евреев-партизан (мужчин и женщин), которые с оружием в руках участвовали в военных операциях против оккупантов, то цифры колеблются от 5 000 до 7 000».

Автор поставил перед собой задачу раскрыть трагизм Катастрофы через судьбы людей. Важно было не сбиться к фрагментарности и хаотичности изложения. Писателю это удалось. Нельзя без волнения читать многие эпизоды книги. Умело сочетая архивные документы, периодическую печать, труды своих коллег и воспоминания очевидцев, он делает трагедию Холокоста осязаемой. После прочтения его книги остается ощущение личной причастности, мы будто видели этих людей, говорили с ними, понимали их настроение. Она написана ярко и убедительно, язык ее живой и образный. В монографии не найти таких пугающих терминов, которыми любят оперировать те, кто хочет чтобы их считали учеными: «структуризация», «генезис», «верификация», «нарративные материалы», «маргинальный элемент», «подписанты», «интересанты», «документированная реконструкция», «брутальные методы», «еврейская полезность» и пр.

В каждой из глав-очерков, будь это описание жизни евреев из Речицы, Червеня, Новогрудка, Борисова – мы видим не абстрактное понятие Катастрофы, а конкретные примеры с перечнем событий и фамилий людей, трагедию народа, обреченного на уничтожение. Возьмем, например, главу «Речица» [1, с. 259–277], которая дает яркую картину становления, жизни и гибели еврейского населения небольшого городка. Очень интересны и необычно написаны разделы о Новогрудке, Червене и Борисове.

Монография построена на использовании огромного количества собранных автором материалов, открытых им, новых, и переосмыслении старых источников. Ввод этого обширного массива сведений в научный оборот представляет трагедию евреев более глубоко и всесторонне. Достоинство уважения то, как автор практически в одиночку смог собрать и осмыслить многочисленные воспоминания людей, переживших катастрофу и только спустя 50 лет после войны позволивших себе быть откровенными. Не будем забывать, что Л. Смиловицкий работает в Израиле, а получение необходимых материалов для исследований, их сверка и уточнение – большая проблема для всех зарубежных исследователей. Важно подчеркнуть и другое. Изучение Катастрофы белорусских евреев автор проводит в контексте общей истории Беларуси. С этих позиций уместным видится то, что в главах «Гетто Белоруссии – примеры геноцида» и «Свидетели Катастрофы» он приводит краткие информационные примечания о том, что представляла собой еврейская община в том или ином месте, как и когда она погибла.

3-й параграф третьей главы под названием «Илья Эренбург о преступлениях нацизма в Белоруссии» базируется на авторском эксклюзиве. Вниманию читателей предлагается выступление И. Эренбурга на заседании Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) в Москве летом 1944 г., посвященное Холокосту в Белоруссии. Документ был выявлен автором книги в 1998 г. в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). После ликвидации ЕАК в ноябре 1948 г. вся его документация была изъята и десятки лет находилась в архиве КГБ СССР. В июле 1944 г. И. Эренбург был среди первых очевидцев последствий массовых убийств в Тростенце, которые по количеству жертв занимали 4-е место после Освенцима, Майдака и Трешлинка. Писатель посетил не только Минск, но и Раков, Ивенец, Молодечно, Сморгонь и Вильно. Его рассказ производит огромное впечатление и дополняет картину немецкого геноцида [1, с. 15].

Л. Смиловицкий приходит к выводу, что И. Эренбург первым обратил внимание на региональную специфику Холокоста в Беларуси. И подтверждает это следующим высказыванием писателя: «Хочу остановиться на одном обстоятельстве, на том различии, которое имелось среди евреев западных и восточных районов Белоруссии. Там больше партизан и это объясняется главным образом тем, что евреев в Западной Белоруссии сразу не убивали. В Западной Белоруссии и Литве уничтожение евреев растянулось на два – три года. Люди могли организовать сопротивление, побег, уходили. У них было время оглядеться. Наших (в восточной Белоруссии. – М. С.) евреев убивали врасплох, не давая опомниться, а там было положение другое» [1, с. 236–237].

Не может оставить равнодушным четвертая глава «Покушение на память». Речь идет о замалчивании Катастрофы белорусских евреев в 1941–1944 гг. коммунистической номенклатурой. Естественно, об этом не могло знать несколько поколений советских людей.

Глава начинается документом «Докладная записка секретарю Минского ОК КП(б) В. И. Козлову», автором которой был секретарь Минского обкома ЛКСМБ И. Е. Поляков. Перед нами типичный политический донос. Комсомольскому функционеру представляется непозволительным тот факт, что «группа граждан еврейской национальности», не согласовавшая заранее свои действия с властями, собирала средства на установку памятника на месте расстрела немецкими оккупантами евреев в Червене [1, с. 247]. Типичный для того времени номенклатурщик делает по своей сути четыре антисемитских вывода. Приведем только один из этих выводов: «Памятник ставится погибшим одной национальности (еврейской), в то время, как там есть и жертвы из белорусов, русских и украинцев. Памятник имеет форму чисто национальной архитектуры, надпись на нем выполнена на еврейском языке» [1, с. 248]. Позиция Полякова была продиктована политикой партии и государства, избегавшей ответственности за ту цену, которую пришлось заплатить для достижения победы. Закономерно поэтому, что после войны состояние большинства кладбищ и мест массовых захоронений евреев в республике было удручающим [1, с. 278].

В пятой главе подводятся общие итоги монографии. Творческая манера Смиловицкого – это отказ от категоричности, безапелляционности и менторства. Вместо них – приглашение к дискуссии, полемика и аргументация, доступность и понятность изложения. Книга прекрасно иллюстрирована, в ней редкие фотографии, собранные автором, и цветные карты периода оккупации и наших дней. Смиловицкий предложил свою композицию книги, о которой уже было сказано выше. Она была заимствована и творчески развита его коллегами в Беларуси.

Органически вписались в композицию книги словарь основных упомянутых терминов и имен, библиография, приложение документов, адреса еврейских общин в Беларуси, адреса еврейских общин в Израиле, именной индекс, географический индекс, фотодокументы. Знакомство с ними позволяет правильнее понять замысел автора [1, с. 342–388]. Выделим несколько из них. Это документ «Участие евреев в руководящем составе Сопротивления на оккупированной территории Белоруссии», где мы находим персональные данные о евреях-секретарях РК, ГК и ОК КП(б)Б, редакторах подпольных партизанских периодических изданий, евреях-секретарях партийных комитетов, находившихся в диверсионных, партизанских отрядах и на подпольной партийной работе [1, с. 356–364].

В указанном блоке вызывает интерес впервые предложенная автором систематизация сведений о мемориальных комплексах, памятниках и памятных знаках жертвам Холокоста в Белоруссии, установленных в 1945–1999 гг. [1, с. 366–377]. В ней указаны названия населенных пунктов, районы и области, количество жертв, время установки. При этом специально отмечены памятники, на которых указан еврейский характер захоронения, а не абстрактные «советские граждане» или «жертвы нацизма». Последние

две таблицы книги имеют большую практическую значимость для всех, кто пытается выяснить прошлое своих родных, погибших в Белоруссии. Это таблицы: «Руководители общин Объединения еврейских организаций в Республике Беларусь» и «Руководители общин Объединения выходцев из Беларуси в Израиле» с подробными адресами, телефонами и факсами [1, с. 389–393]. Отдельного внимания заслуживает «Словарь основных упомянутых терминов и имен» [1, с. 314–328], о котором рецензенты снова промолчали. Характер подачи материала, глубина и обстоятельность изложения в нем показывают, в каком ключе видит автор проблему изучения Катастрофы.

Таким образом, человек, который берет в руки эту книгу, с одной стороны, видит широкую панораму событий, с другой – анализ и объяснение явлений, т.е. он получает ответы на многие вопросы. Кстати, эта книга составлена из научных статей, которые в 1995–1999 гг. были опубликованы в израильских авторитетных академических изданиях. В Соединенных Штатах Америки, в Англии и других странах статьи выходили на английском языке, иврите и других языках в таких изданиях, как «Journal of Genocide Research» (Нью-Йорк), «Holocaust and Genocide Studies» (Вашингтон), «East European Jewish Affairs» (Лондон), «Jews in East Europe» (Иерусалим), «Shvut», «Yalkut Moreshet» (Тель-Авив) и др. Об этом прямо говорится в предисловии к монографии «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.»

Не будет лишним отметить отношение израильских коллег к трудам Смиловицкого. Свои оценки его творчеству дали директор Мемориального института Яд Вашем д-р Ицхак Арад, директор архива этого Института д-р Шмуэль Краковский, патриарх истории Катастрофы евреев Беларуси в Израиле д-р Шалом Холавский, директор филиала Бейт-Волин в Гиватайме Ицхак Альперович и др. [1, с. 387–388].

Наиболее выразительно это получилось у профессора Шауля Штампфера из Еврейского университета в Иерусалиме, который подчеркнул, что опыт работы Леонида Смиловицкого выдвинул на повестку дня темы для будущих исследований и дал представление о новых стандартах в их изучении.

Книга Леонида Смиловицкого обращена не столько к белорусскому, сколько к зарубежному читателю. Израильский ученый, используя знание советского контекста и менталитета, синтезирует сведения, почерпнутые им в архивах Беларуси, с материалами и свидетельствами о Холокосте в СССР, собранными в Израиле, США, Германии, Польше и на Западе в целом. Автор не скрывает, что, только оказавшись в Израиле, он смог подняться на высоту, с которой стал возможен панорамный обзор трагического прошлого евреев Беларуси в годы Второй мировой войны. Знание иностранных языков, в частности английского, иврита и русского, позволило ученому выбрать все наиболее ценное из того, что было накоплено до него за пределами Беларуси; увидеть и озвучить те проблемные вопросы, которые прежде в белорусской историографии не поднимались.

Творческой удачей автора можно считать то, что его вхождение в израильскую науку совпало с открытием советских архивов в начале 1990-х годов. Это было время, когда тайное становилось явным, стало возможным говорить вслух о секретах, которые долгие годы считались тайной за семью

печатями. Несмотря на пройденные годы с момента издания в Тель-Авиве книги Л. Смиловицкого «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.», она не устарела и не утратила актуальности. Проблемы, поднятые израильским ученым, продолжают разрабатывать белорусские исследователи.

На сегодняшний день мы имеем обзорные работы Э. Иоффе, Д. Мельцера, Е. Розенבלата, Г. Винницы по истории Холокоста в Беларуси. Важные сборники документов и материалов были изданы при участии М. Ботвинника, В. Селеменева, И. Герасимовой. Однако следует признать, что все это состоялось после Смиловицкого (напомним, что его исследовательские материалы, легшие в основу книги о Катастрофе в Беларуси, были опубликованы в 1995–1999 гг.).

Монография Л. Смиловицкого, изданная в Иерусалиме на русском языке (затем в Тель-Авиве в 2000 г.), вполне доступна заинтересованному читателю, как в Минске, так и в других городах республики. В свое время автор лично проследил, чтобы его труд был разослан во все центральные и областные библиотеки Беларуси.

Остается только добавить, что в 2001–2015 гг. израильский ученый успешно продолжил свои исследования темы о Катастрофе евреев в Беларуси. Ежегодно выходят его труды, посвященные трагедии белорусских евреев. В них по-прежнему новизна, доказательная база и оригинальность подхода к трактовке событий.

В то же время приходится сожалеть, что в современной Беларуси до сих пор на уровне исторического истеблишмента и государственных структур (Институт истории НАН, научные исследовательские центры, университеты, музеи, министерства и ведомства, имеющие отношение к гуманитарной сфере) не понимают разницы между еврейским и белорусским геноцидом. Белорусов никогда не убивали по национальному признаку. Все карательные операции нацистов в республике («политика выжженной земли» и др.) являлись акциями возмездия за поддержку партизанского движения. И в этом – принципиальная разница, которую, наконец, необходимо признать. Может быть поэтому в Беларуси, в отличие от России, Украины, Молдовы, стран Балтии, до сих пор не созданы еврейский музей, музей Катастрофы евреев Беларуси, музей Минского гетто? Не выпускается ни одного научного журнала, исследующего тему геноцида белорусских евреев, не изданы энциклопедия по истории Холокоста в Беларуси, энциклопедия праведников мира – уроженцев Беларуси. Не существует и государственной программы отражения тематики гетто в краеведческих музеях республики и т.д. (слабые попытки восполнить этот пробел в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны нельзя принимать в расчет).

Остается надеяться, что в недалеком будущем это положение изменится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смиловицкий, Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив : Библиотека Матвея Черного, 2000. – 432 с.